Ей требуется слишком много времени, чтобы понять, что происходит прямо там, за ее собственным обеденным столом. Ужин, кажется, проходит достаточно хорошо, и Гарри и Гермиона вслух высоко оценивают кулинарные усилия Эммы. Когда они вступают в светскую беседу, Гарри, конечно, легко ведет разговор, но проблема не в этом. Кажется почти правильным позволить ему сделать это без протеста или сопротивления, и Эмма замечает ЭТО очень рано.

Чего она по-настоящему не осознает до середины трапезы, так это того факта, что ее дочь трогают и играют с ней прямо у нее на глазах. Это единственное объяснение, которое имеет смысл, когда она, наконец, приходит к осознанию. К этому моменту Гермиона становится беспокойной и взволнованной, взбалмошной и уклончивой на протяжении всей трапезы, а Гарри ест только одной рукой, другая под столом.

Он буквально ублажает ее дочь прямо у нее на глазах, и когда она встречается с ним взглядом, Эмма понимает, что Гарри знает, что теперь она знает... и ему все равно. Густо покраснев, Эмма не может не захотеть отомстить обоим молодым людям, сидящим напротив нее. Или они думают, что могут безнаказанно играть друг с другом прямо у нее под носом?

Решив повысить ставку, Эмма очень осторожно вынимает одну ногу из туфли, прежде чем поднять ее, стараясь любой ценой избегать Гермиону, когда вместо этого она ищет Гарри. Он приподнимает одну бровь, когда она, наконец, вступает в контакт, и мамаша краснеет под его пристальным взглядом, пока Гермиона пытается сосредоточиться на еде, слишком отвлеченная, чтобы понять, что еще происходит вокруг нее.

Однако Эмма не позволяет взгляду Гарри отпугнуть ее. Облизнув губы, пожилая женщина скользит пальцами ног по его внутренней стороне бедер, пока не коснется его промежности, готовясь подразнить его своей ногой обтянутой чулком. Широко раскрыв глаза, Эмма уставилась на Гарри, когда он одарил ее той плутоватой улыбкой, которую она изначально искала. Его одаренность намного превосходит то, что она ожидала, и Эмме требуется мгновение, чтобы прийти в себя, когда ее рот открывается и закрывается, как у золотой рыбки.

Конечно, именно в этот момент Гарри наносит удар, и она внезапно обнаруживает ЕГО ногу у СЕБЯ между ног, трущуюся о ее обтянутую трусиками пизду с безошибочной точностью, так что Эмма почти согнулась пополам, когда вздох сорвался с ее губ. Гермиона все еще не замечает, потерявшись в своем собственном маленьком мирке к этому моменту, но ее мать практически корчится прямо перед ней.

Это стыдно и унизительно, когда с ней так играют в присутствии ее собственной дочери. Но Эмме это нравится. Она наслаждается каждой секундой этого, к своему стыду и возбуждению. Она безмерно возбуждается, когда Гарри играет с ней. В конце концов, он доставляет ей гораздо больше удовольствия, чем ей удается доставить ему, ее нога дрожит и едва может выпрямиться, когда он втискивает пальцы ног в ее прикрытую киску, подталкивая ее промокшие трусики внутрь ее мокрых губ.

Все светские разговоры за столом умирают в этот момент, хотя ни одну из женщин Грейнджер это на самом деле не волнует. Трио ест в относительной тишине, и Гермиона, и Эмма безуспешно пытаются сосредоточиться на еде, поскольку вместо этого они видят, как Гарри заботится о каждом из них. В конце концов, обе женщины, одна за другой, должны прикрыть рты и подавить стоны, которые угрожают вырваться из их горла, когда он доводит их каждую до оргазма.

Эмма не совсем уверена, поняла ли Гермиона, что происходит к этому моменту, но, судя по

взволнованному выражению лица ее дочери и чувству вины в ее взгляде, когда их глаза наконец встретились после всего сказанного и сделанного, она совершенно уверена, что молодая женщина не поняла, что произошло между Эммой и Гарри.

Конечно, в этот момент Гарри ставит свою посуду и, наконец, встает с улыбкой на лице.

"Я думаю, что нам с Гермионой пора прерваться на ночь. Спасибо за восхитительную еду, Эмма. Гермиона, почему бы тебе не приготовить комнату?"

"Д-да, конечно, Гарри".

Когда покрасневшая молодая женщина выбегает из комнаты, Эмма тоже медленно встает. Гарри... полностью взял верх. И она не может заставить себя что-то сказать, несмотря на то, что он почти заявил, что собирается переспать с ее дочерью, в спальне ее дочери, прямо сейчас. Кроме того, было ясно, что он ожидал, что она просто уберется после всех них. Обойдя вокруг стола, Гарри ухмыляется, останавливаясь перед ней. Одна из его рук поднимается и ласкает ее щеку, и Эмма обнаруживает, что прижимается к прикосновению молодого человека, практически утыкаясь носом в его ладонь, пытаясь сдержать стон, который угрожает вырваться из ее горла.

Ч-Черт возьми, она не должна была так себя вести. Но это кажется таким чертовски правильным…

"Ты можешь присоединиться к нам сегодня вечером, если хочешь. По крайней мере, ты должна увидеть, что стало с твоей дочерью. Мне понравилось тренировать ее".

Его слова мрачны и, возможно, немного зловещи. Они, конечно, вызывают дрожь по спине Эммы, но не такую сильную, какой она должна быть после слов Гарри. Вместо этого они только еще больше заводят милфу, когда он одаривает ее еще одной понимающей улыбкой, а затем медленно убирает пальцы с ее лица, проходя мимо нее и направляясь к лестнице.

Эмма смотрит ему вслед, не в силах сдержаться. Ее губы приоткрываются, и она смотрит ему вслед, когда он уходит. В конце концов, однако, она выводит себя из оцепенения. Она убирает со стола и относит грязную посуду на кухню, где моет ее, а затем помещает в посудомоечную машину для более тщательной очистки.

Остатки упаковываются, и все убирается на свои места, включая скатерть, которая досталась ей от бабушки. Это была семейная реликвия, предназначенная скорее на память, чем для использования в наши дни. Но это была также красивая скатерть, и Эмма хотела произвести впечатление.

...Гарри же даже не заметил. ГЕРМИОНА даже не заметила. В этот момент Эмма поняла, что ей нужно будет усилить свою игру, чтобы привлечь внимание парня своей дочери. О, но почему она вообще хотела его внимания? Честно говоря, все дело было в том... она была... она была ужасной матерью, потому что думала о том, чтобы делать то, что хотела.

В конце концов, однако, ноги Эммы несут ее к конечной цели, несмотря на то, что она знает, что ей не следует этого делать. Она подходит к спальне Гермионы, стоит прямо у двери, прижимая ухо, чтобы услышать, что происходит внутри. Но… она ничего не слышит? Эмма хмурит брови, когда еще немного наклоняется к двери.

Там ничего нет. Из спальни Гермионы не доносится ни звука. Ее взгляд устремляется в ее собственную спальню дальше по коридору, и на мгновение Эмма невероятно возбуждается при

мысли, что Гарри использовал бы ЕЕ кровать, чтобы трахнуть ее дочь. Но нет, дверь в хозяйскую спальню открыта, и, хотя там темно, отсюда она может разглядеть очертания своей кровати. В ее комнате никого нет. Но из комнаты Гермионы не доносится ни звука.

Эмма не понимает этого. В конце концов, она соглашается медленно повернуть дверную ручку и приоткрыть дверь Гермионы всего на дюйм. Вот тогда-то ее и осенило.

"-ахни меня! Трахни меня, трахни меня, ТРАХНИ меня!!!"

Довольный голос ее дочери-первое, что она слышит, а затем плоть шлепается о плоть, когда стоны и крики Гермионы наполняют воздух. Медленно Эмма обнаруживает, что опускается на колени, приоткрывая дверь еще чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы она могла заглянуть в комнату своей дочери, ровно настолько, чтобы увидеть, что Гарри Поттер делает с ее дочерью.

Комната Гермионы устроена таким образом, что Эмма получает красивый боковой профиль кровати своей дочери, с Гарри и Гермионой на ней. Мамаша получает приятный вид со стороны на парня своей дочери, который предает ее дочь забвению. Она не упускает из виду ошейник на шее Гермионы или привязанный к нему поводок, который Гарри держал в руке. Он натягивает ее, и Гермиона выгибает спину, даже когда он наклоняется вперед и хватает ее подпрыгивающую, покачивающуюся грудь другой рукой.

Зрелище до абсурда эротичное, крайне непристойное. Эмма не может отвести взгляд, ее глаза широко распахнуты, когда ее руки начинают скользить по телу сами по себе. Ее платье становится все более и более растрепанным, так что она может добраться до своего тела под ним, одной рукой хватаясь за собственную грудь, в то время как другая ныряет вниз между ног.

Гарри трахает ее малышку. Он жестко трахает ее. И Гермиона явно наслаждается этим, даже такой односторонней, какой кажется динамика власти в их отношениях. Все, что Эмма может делать, это смотреть, ее губы приоткрыты, она в чем-то нуждается. Все, что она действительно может сделать, это пожелать, чтобы в этот момент она была на месте Гермионы.

"Ты распутная маленькая шлюха. Тебе нравится, как этот большой толстый член проникает глубоко в твою утробу, не так ли? Тебе нравится, когда я трахаю тебя прямо на твоей кровати, в то время как твоя мать может быть всего в нескольких десятках футов от тебя, не так ли?"

Гермиона, кажется, не может подобрать слов. В конце концов, она выдавливает стон в знак согласия, и "Ага" на ее губах быстро превращается в новые крики удовольствия, когда Гарри продолжает входить и выходить из ее влагалища, все быстрее и быстрее. Теперь Эмма понимает, почему она ничего не слышала раньше. Вероятно, какое-то заглушающее заклинание, немного магии, наложенное на комнату или дверь, или что-то в этом роде.

Она разрушила магию, открыв дверь, и теперь Гарри и Гермиону было слышно по всему дому. Но все, что имело значение, это то, что ОНА могла слышать их сейчас, все, что имело значение, это то, что она могла видеть, как они трахаются прямо здесь и сейчас. Гарри унижает ее дочь, и Гермиона наслаждается каждой секундой этого.

Эмма... Эмма хочет большего. Она обнаруживает, что наклоняется вперед, дверь в комнату Гермионы открывается почти наполовину, когда ее мать трогает себя, пока ее жестко трахают. Гермиона, конечно, ничего не замечает, слишком поглощенная собственным удовольствием, чтобы обращать на это внимание, но Гарри не так уж далеко зашел. Его взгляд устремляется к открытой двери, и он встречает взгляд Эммы своим собственным, та же проклятая улыбка, которая так сильно ее заводила, мелькает на его лице.

Наклонившись вперед, Гарри облизывает уши Гермионы, вызывая дрожь и стон у дочери Эммы. Затем он говорит шелковым, обманчиво мягким тоном.

"Ты вообще заметила, там, за обеденным столом? Твоя мама играла со мной в лапки, пока я засовывал свои пальцы в твою мокрую пизду и вынимал их из нее. Она, конечно, проиграла. Ты даже не заметила, как я, дразнил ее маленькую нуждающуюся киску. Ты была слишком сосредоточена на собственном удовольствии.

Предательская дрожь и спазм пробегают по телу Гермионы, когда новый крик блаженства срывается с ее губ. Она кончает вдоль члена Гарри в ответ на слова, которые он ей говорит, правду, которую он раскрывает, доводя ее до крайности, прямо на глазах у Эммы. Это... это невероятно горячо. Вся сцена восхитительно извращенна, удивительно извращенна.

Но не так удивительно, как то, что Гарри говорит дальше. Он все еще разговаривает с Гермионой, но его глаза прикованы к Эмме, и она застывает, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд от его ярко-зеленых радужек.

"Возможно, я пойду трахну ее после того, как закончу с тобой. Возможно, я заявлю на нее права и трахну ее прямо рядом с твоим вырубившимся телом. Тебе бы это понравилось, не так ли, шлюха? Тебе бы понравилось, если бы я сделал твою мать своей, так же, как я сделал тебя своей."

Сначала Гермиона снова просто утвердительно стонет, но на этот раз Гарри явно не думает, что этого достаточно, потому что он снова дергает ее за ошейник, заглушая звук, исходящий из ее горла, и рычит ей на ухо.

"Я хочу услышать, как ты это скажешь. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал с Эммой Грейнджер. Скажи мне, что мне делать с твоей распутной мамочкой?"

"К-к черту ее! Сделай это, Хозяин! Трахни мою глупую мамочку, трахни ее до бесчувствия! Е-Ей это нужно... ей нужен твой член. В-Все это время..."

Эмма напрягается при этих словах, даже когда Гарри поднимает бровь, явно немного заинтригованный словами Гермионы.

"Все это время?"

Его испытующий вопрос встречен мяуканьем и кивками, когда Гермиона приходит в себя.

"Она... она так многим пожертвовала ради меня. Она отказалась от романтики. Ты м-можешь подарить ей любовь, которую она п-по праву заслуживает. Заяви на нее права, Хозяин. Я умоляю тебя, покажи ей, на что ты способен."

Гарри улыбается Эмме в ответ на это, хотя она смотрит на него широко раскрытыми глазами. Гермиона... Гермиона знала все это время? Гарри действительно "показывает Эмме, на что он способен" в эти следующие несколько минут, трахая ее дочь которая испытывает оргазм за оргазмом, пока, наконец, он не застонал и не начал кончать, наполняя лоно Гермионы своим семенем.

Только когда он кончает в ее малышку, Эмма наконец находит в себе силы действовать. Она врывается прямо в тот момент, когда он заканчивает внутри ее дочери, глаза Гермионы метнулись к ее матери в шоке от внезапного появления пожилой женщины. Конечно, не удивление Гермионы заставляет ее замереть посреди комнаты всего на полпути к кровати. Это

выражение лица Гарри, когда он внезапно становится невероятно напряженным, его аура снова омывает ее, когда она приближается.

-x-X-x-

http://erolate.com/book/1517/47414